
Рецензії

Т. И. Бытєва
(Херсон)

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:

Л. Н. Гукова, Л. Ф. Фомина.

Многоаспектная харктеристика топонимов

в творческом наследии А. С. Пушкина: словарь. –

Одесса : Астропринт, 2008. – 392 с.

Современная русская лексикография, переживающая в последние два десятилетия небывалый расцвет, пополнилась новым *словарем языка писателя* (если характеризовать рецензируемый словарь исключительно по объекту его описания). В недавнем, но невозвратном прошлом осталась ситуация, когда преподаватель вуза, читая лекцию по русской лексикографии и касаясь вопроса типологии словарей, называл среди других тип *словари языка писателей* и мог привести в качестве канонического образца этого типа единственный, хотя и великолепный, „Словарь языка Пушкина” (М., 1956).

Разумеется, этот словарь не был первым из словарей данного типа, но Словарь Я. К. Грота (к стихотворениям Г. Р. Державина в приложениях к девятитомному собранию сочинений поэта (СПб., 1883), равно, как и Словарь к сочинениям и переводам Д. И. Фонвизина (составитель К.П. Петров, М., 1904), и даже Словарь комедии „Горе от ума” А. С. Грибоедова, составленный В. Ф. Чистяковым (Смоленск, 1939) были малодоступны и в недостаточной степени лексикографичны. То же можно сказать и о „Щедринском словаре” М. С. Ольминского (М., 1937). После выхода в свет „Словаря языка Пушкина” лексикографическая ситуация этого направления стала

заметно меняться, и к настоящему времени мы имеем свыше пятидесяти словарей языка писателей, большинство из которых (около тридцати) вышли в свет в последние два десятилетия.

При этом данный тип словаря обогатился многочисленными разновидностями, составившими самостоятельные подтипы, а именно: словарь русской поэзии, словарь поэтических образов, словарь русской советской поэзии, словарь неологизмов (Маяковского, Хлебникова), словарь фразеологизмов (Тургенева, Шукшина), словарь метафор (Маяковского, Бродского), словарь крылатых выражений (Пушкина), словарь книжных и разговорных элементов (Лескова), словарь тропов (Бродского), словарь исторической прозы (Чмыхало), словарь драматургии (Островского, Горького), словарь имен собственных (Горького), словарь рифм (М. Ю. Лермонтова, И. Бродского, М. И. Цветаевой), словарь частотный (трилогии М. Горького, рассказов Чехова, романа Л. Н. Толстого „Война и Мир”), словарь отдельных произведений („Моления” Даниила Заточника, „Слова о полку Игореве”) и др. Среди подобного многообразия аспектов лексикографического отражения фрагментов художественного мира автора литературного произведения до последнего времени отсутствовало описание топонимической лексики в произведениях писателя (поэта), хотя корпус её в творчестве выдающихся мастеров литературы часто весьма объёмен. Таким образом, произведение Л. Н. Гуковой и Л. Ф. Фоминой „Многоаспектная характеристика топонимов в творческом наследии А.С. Пушкина: Словарь” (далее – „... Словарь”) не только восполняет недостающее звено в общем массиве лексики и фразеологии пушкинских произведений, описание которого уже составило лексикографическую Пушкиниану, но и закрывает лауну, существовавшую в сфере так называемой „авторской лексикографии”.

Следует отметить, что в лексикографической практике известны некоторые подходы и определенный опыт описания топонимов в произведении писателя. Сошлемся на „Словарь автобиографической трилогии М. Горького” (Л.: Изд-во ЛГУ, 1975), отдельный том приложения к которому – „Имена собственные (личные имена, географические названия и заглавия литературных произведений)”.

Кроме того, „Словарь языка Достоевского: лексический строй идиолекта” / под ред. Ю. Н. Караулова (М.: Азбуковник, 2002), который, включает несколько типов словарей, в том числе – топонимов. Однако рецензируемая нами книга – „... Словарь” Л. Н. Гуковой и Л. Ф. Фоминой – заметно выделяется на фоне указанных опытов фундаментальностью представленного материала и его описания, что позволяет оценить это произведение как одно из вершинных достижений современной лексикографии. Уникальность „... Словаря” состоит прежде всего в предмете описания: описывается не просто топонимический инвентарь произведений Пушкина, а *авторская характеристика* топонимов, „связь данного типа онимов с характеризующей их апеллятивной лексикой и особенности личностного восприятия и художественного отражения этих связей” [„... Словарь”, 8].

Новизну и новаторство „... Словаря” составляет стремление авторов представить максимально полную характеристику топонимов, причем не в отдельных произведениях, поэзии или прозе, а в целом в творчестве великого поэта, с помощью целого комплекса языковых средств, использованных преобразователем русского языка: адъективных, причастных, субстантивных оборотов, придаточных определительных предложений, отдельных самостоятельных высказываний, а также перифраз, приложений, эпитетов. Оправданный выход за рамки *теории образного слова* дал возможность авторам рецензируемого словаря убедительно показать, что *художественные определения* могут иметь весьма разнообразные способы выражения, их инвентарь значительно шире, чем обычно принято думать и даже отражать в словарях.

Новизну и ценность „... Словаря” составляет не только богатство и разнообразие лексикографируемого материала (топонимов пушкинского текста), но и выделение **аспектов характеристики топонимов**, среди которых основными авторы считают следующие: 1) художественно-определяющая характеристика; 2) пространственно-дифференцирующая характеристика; 3) историко-дифференцирующая характеристика; 4) логико-дифференцирующая характеристика; 5) номинативно-интерпретирующая характеристика.

Кроме того, авторы тщательно выявляют топонимы, которые в пушкинском наследии являются синкретичными, т.е. имеют характеристики, совмещающие несколько параметров (два и более).

Особо хочется сказать о Введении к „... Словарю”, где дана максимально полная информация о нём, о параметрах описания вокабул, новых методах описания, отличающих этот словарь от словарей данного типа; где не только представлен состав словаря, тщательно прописаны аспекты характеризации – каждый с преимущественными типами структурных характеристик, но и содержатся многочисленные тонкие наблюдения теоретического характера, например, о контекстных условиях реализации значения топонима: „... очень часто топонимы употребляются в художественном тексте в переносном значении.... Это проявляется в выборе характеризующих определений к ним. Например: Справа сиял *снежный* Кавказ (Путешествие в Арзрум, гл. I, VI, 646). И воспою тот славный час, Когда, почуя бой кровавый, На *негодующий* Кавказ Поднялся наш орел двуглавый (Кавказский пленник; IV, 130)”. Сюда же относится различение микро- и макроконтекстов и соответственно – значений топонима в них; внимание к прагматическому потенциалу притяжательных местоимений в произведениях поэта; чёткое указание на лингвистический смысл энциклопедических справок, даваемых не только к топонимам, но и относительно истории тех мест, с которыми связаны топонимы и др.

Вместе с тем нельзя не отметить некоторые спорные теоретические пассажи, связанные с проблемой перифразы, которой уделено в работе большое внимание. Например: „В чем нет разногласий относительно перифразы, так это в представлении об описательном характере именовании с её помощью и в понимании её функции. Все сходятся на том, что перифраза служит для создания выразительности и действенности текста” [„... Словарь”, 18], т.е. перифраза – фигура речи. Нет, далеко не все. Ещё А. И. Галич полагал, что „описание ... оттеняет – сторонним образом – ощутительные её действия, разительные явления, занимательные отношения несколькими чертами, и при этом более благородными, ясными и сильными, – **не для прикрас речи**, всегда смешных и ребяческих,

а для занятия чувств и фантазии живыми картинами” [Галич, СПб, 1830, 50]. Трудно согласится с тем, что „разработка теории ономастической перифразы только начинается...” [„... Словарь”, там же]. В настоящее время различается несколько направлений исследования феномена перифразы в русском языке – и среди них **ономастиологический**, представленный именами таких исследователей, как А. Б. Новиков (1987), Н. И. Базарская (1988), М. Н. Котеля (1990), Т. И. Бытева (1994) и др.

Трудно согласится также и с сочувственно приводимой цитатой из работы В. М. Калинкина „Поэтика онима” (1999), который утверждает, что „ономастической перифразой в подлинном смысле можно считать только такой способ номинации (лица, объекта, явления и т.д.), при котором внутри высказывания прямая номинация отсутствует, а заменяющая её номинативная конструкция представляет собой троп или является иносказательной хотя бы минимально” [Цит. по „... Словарю”, 19]. Под такое описание подходит **любая** перифраза, во-первых, потому что отсутствие прямой номинации есть частный случай **использования** перифразы, о чем свидетельствуют многочисленные примеры; во-вторых, потому что „замещающая номинативная конструкция” и есть собственно перифрастическое сочетание, которое может представлять собой троп (*жемчужина у моря* и мн. др.), а может и не представлять (*город на Неве* и мн. др.); может быть иносказательной (*заполярная столица* и мн. др.), а может и не быть (*текстильный край, страна кенгуру* и мн. др.). Автор этих строк полностью солидарна с авторами „... Словаря” в том, что „необходимо различать свободное сочетание и перифразу” и что „это не всегда просто”, но отнюдь не разделяет мнение о том, что выражения типа *милый городок* и под. являются перифразами, равно как и *башины Аккермана, адмиралтейская игла* и под. В последнем случае (*адмиралтейская игла*) перед нами не более чем контекстуальная метафора, на что со всей определенностью указывает предикат *светла*. И тем не менее широта представленного материала, глубина его осмысления, тщательность описания искупают некоторые теоретические погрешности в характере квалификации отдельных лексикографируемых единиц,

так же, как и содержательность Введения „... Словаря” искупает недостаточность, на наш взгляд, его структурирования. Авторами „... Словаря” в топонимиконе Пушкина, составляющем словник созданного ими лексикографического труда, выделено 10 топонимических полей: астионимы, административные и природные хоронимы, экклезионимы, оронимы, гидронимы и др. Оригинальна и специфична двойная семантизация в каждой словарной статье – семантизация вокабулы и семантизация её характеризующего определения, проводимая в четком порядке, логично, с выделением семантических рубрик.

Филологические словари общего типа (толковые) в определенной степени являются системными, так как обычно представляют вокабулу в различных парадигматических отношениях и синтагматических связях с другими словами. Внутрисловные парадигматические отношения демонстрируют полисемию и лексические варианты слова. В рецензируемом словаре эти отношения указываются и фиксируются. Но для данного произведения особенно ценны и специфичны межсловные парадигматические отношения, показ которых является одним из наиболее значительных достижений „... Словаря” и которые сами авторы представляют исчерпывающе: „Разнотипные в структурно-грамматическом и функциональном отношении характеристики топонимов в пространстве макроконтраста А. С. Пушкина оказываются в системной и концептуальной взаимосвязи, что находит выражение в гипер-гипонимических, синонимических, антонимических, концептуально-семантических соотношениях. Одним из многих достоинств „... Словаря” является иллюстративный материал. В каждой словарной статье поражает не только высокая информативность энциклопедического материала (прием семантизации вокабулы), но и богато представленные контексты – фрагменты пушкинских произведений и писем, отражение в них „говорящего лица”, великого поэта с его отношением к предмету речи, оценками, эмоциями, его взглядом на ситуацию, историю, жизнь, даже с фактами его собственной судьбы. Невозможно не привести хотя бы один пример словарной статьи.

ЗЕМЛЯ 1. Название третьей от Солнца планеты Солнечной системы. 2. Суша, земная твердь. В первом значении слово является онимом, во-втором — апеллятивом, но представление о Земле как месте жизни и деятельности людей объединяет указанные значения. В научной картине мира противопоставляется водному и воздушному пространству. В мифологическом и поэтическом сознании противопоставляется Небу и подземному царству. Слепая; верная (*употр. в форме сравн. степ.*); мрачная; прекрасная (*кр.*), русская; чужая; брег земной; край земной; мир земной; подлунный мир (*здесь: 'жизнь'*); сей мир; ваш (в речи Вергилия. — Л. Г., Л. Ф.) свет; к нам на свет; была б мертва, как ...пустыня и как алтарь без божества *Клянусь: кто жизньнюю своей Играл пред сумрачным недугом, Чтоб ободрить угасший взор, Клянусь, тот, будет небу другом, Каков бы ни был приговор Земли слепой* (Герой; III, 199-200) *здесь: 'людей, населения Земли'*. *Я удаляюсь от морей В гостеприимные дубравы; Земля мне кажется верней* (Земля и море; II, 24). *С небесной высоты, при звуке стройных лир. На землю мрачную нисходит светлый мир* (Александрю; I, 153).. *Увы! Земля прекрасна И жизнь мила* (Анджелю; IV, 369). *Содрогся счастья сын, и, брошенный судьбою, Он землю русскую не взвидел под собою.* (Александрю; I, 153). *Он раб... Усталою. главою К земле чужой припал он снова, Как будто в ней от скорби злой Искал приюта гробового* (Кавказский пленник; Черновые рукописи; IV, 508). *Вы нас уверили, поэты, Что тени легкою толпой От берегов холодной Леты Слетаются на брег земной* (Люблю ваш сумрак неизвестный; II, 293). *На крыльях вымысла носимый, Ум улетал за край земной* (Руслан и Людмила; Эпilog; IV, 100); *В раю, за грустным Ахероном, Зевая в рощице густой, творец, любимый Аполлоном, Увидеть вздумал мир земной* (Тень Фонвизина; I, 164). *Старик доказывал страдальцу молодому, Что смерть и бытие равны одно другому, Что здесь и там одна бессмертная душа И что подлунный мир не стоит ни гроша* (Анджелю; IV, 365). *Но где найду мой идеал? Й кто поймет меня в сем мире?* (Одни стихи ему читала; III; 218). *Виргилий мне: «Мой сын, сей, казни смысл велик: Одно стяжание имев всегда в предмете, Жир должников своих сосал сей злой старик И, их*

безжалостно крутил на вашем свете» (И дале мы пошли — и страх обнял меня; III, 233). /.../ с подорожной Герой поплыл в ладье по-рожной И вот — выходит к нам на свет (Тень Фонвизина; I, 164). Два чувства дивно близки нам, В них обретает сердце пищу: Лю-бовь к родному пепелищу, Любовь к отеческим гробам. Животворя-щая святыня! Земля была б без них мертва, Как... пустыня И Как алтарь без божества (Два чувства дивно близки, нам; III, 214).

Авторы „... Словаря” определяют свое произведение как сло-варь „собственно лингвистический (филологический) с элемен-тами экстралингвальной, энциклопедической информации” [там же, 27]. Со взыскательностью, свойственной истинным исследовате-лям, авторы подчеркивают незавершенность своего детища и на-мечают пути его совершенствования. Что ж, лингвоэнциклопеди-ческие, их часто называют *комплексными*, словари уже не редкость в русской лексикографии. К ним относятся все лингвострановедче-ские словари, а также лингвокультурологические и когнитивные, сложились каноны их составления.

Но „... Словарь” Л. Н. Гуковой и Л. Ф. Фоминой, думается, мож-но оценить как новую веху в развитии авторской лексикографии, он представляет собой первый этап разработки словарей нового поко-ления, воплощающих *кластерный принцип описания*. Под терми-ном *кластер*, сравнительно недавно вошедшим в систему лингви-стических терминов (он входит в обиход и многих других наук), обычно понимают совокупность слов различной частеречной при-надлежности, семантически и функционально связанных между собой, которые служат для репрезентации того или иного фрагмен-та картины мира. Несомненной заслугой авторов „... Словаря” яв-ляется то, что огромный, не однородный ни в структурно-грамма-тическом, ни в семантико-тематическом плане материал система-тизирован, лексикографически обработан, многоаспектно охарак-теризован, объединен в кластер, за которым стоят культурные кон-цепты. Лучезарный мир А. С. Пушкина, знакомый каждому рус-скому и русскоязычному человеку с раннего детства, засиял бла-годаря колоссальному труду авторов „... Словаря” новыми, по-истине бриллиантовыми гранями. Символично, что такой словарь

появился на „земле полуденной”, осененной длительным (по меркам его жизни) пребыванием русского гения на просторах „волшебного края”. Зрелый, мыслящий читатель не может не понимать, что творчество А. С. Пушкина – это вселенная, которую невозможно „изучить”. Это Божий дар человечеству, заключенный в радости бесконечного светлого познания. И огромной благодарности заслуживают авторы замечательного „... Словаря” Л. Н. Гукова и Л. Н. Фомина, подарившие всем нам новую возможность испытать эту радость.